

Мария Александровна Петрова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32А. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй половине XVIII в.

Статья посвящена феномену полиглоссии в международном сообществе дипломатов, для которых владение одним или несколькими иностранными языками было необходимостью, а общение на иностранном языке — неотъемлемой частью повседневной жизни. Языковые практики российских и австрийских дипломатов рассматриваются в контексте языковой политики Екатерины II, Марии Терезии и ее сына Иосифа II, последовательно проводивших в своих державах реформы в поддержку общегосударственного языка — соответственно русского и немецкого. Эти реформы были во многом обусловлены возросшим значением французского языка в придворных и образованных кругах Европы, ставшего к середине XVIII в. основным языком международного общения. В центре исследования — проблема выбора, который русские по происхождению и австрийские дипломаты делали в пользу родного или французского языка при составлении донесений и писем на имя монарха или руководства внешнеполитических ведомств. Поскольку в российской Коллегии иностранных дел служило немало иностранцев, французский и русский языки в ее делопроизводстве были равноправны. Их использование в переписке зависело от предпочтений руководителей ведомства, личного опыта и привычек дипломатических представителей, в ряде случаев — от предмета переписки. В делопроизводстве австрийской Государственной канцелярии французский язык в официальных донесениях использовался гораздо реже, чем немецкий, но довольно часто в полуофициальной, балансирующей на грани личной, переписке с монархами или высокопоставленными должностными лицами, чтобы установить с ними доверительный контакт. Существенный вывод, сделанный в ходе исследования, состоит в том, что анализ языковых практик российских и австрийских дипломатов требует изучения языковых компетенций и обязанностей сотрудников миссий.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатическая переписка, выбор языка, профессиональная терминология, российская Коллегия иностранных дел, австрийская Государственная канцелярия

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

В многонациональном сообществе дипломатов владение одним или несколькими иностранными языками является необходимостью, а общение на иностранном языке — неотъемлемой частью повседневной жизни. До середины XVII в. основным языком международного общения в Европе оставалась латынь, но уже с этого времени ее начал постепенно вытеснять французский язык, что было во многом связано с усилением могущества Франции в эпоху Людовика XIV, возросшим значением ее культуры в придворных и образованных кругах. К середине XVIII ст. французский язык не только служил средством внешней коммуникации дипломатов — с представителями двора пребывания и иностранными коллегами, но и входил во внутреннюю переписку внешнеполитических ведомств. Параллельно совершенствовалось и стандартизировалось делопроизводство на общегосударственных языках, для которых европейские правительства разрабатывали специальные меры поддержки. Важным в этой связи представляется опыт многонациональных государств — Австрийской монархии и Российской империи, где полигlossия (многоязычие, мультилингвизм) была нормой.

С первых лет правления Мария Терезия (1740–1780 гг.) последовательно расширяла в наследственных землях сферу применения немецкого языка, инициировав его реформу, целью которой было «создание ясного грамматически нормализованного, синтаксически и стилистически простого способа выражения мыслей в новых условиях эпохи Просвещения»¹. Императрица пригласила в Вену Иоганна Кристофа Готшеда (1700–1766), уроженца Кёнигсберга, большую часть жизни прожившего в саксонском Лейпциге, автора многократно переиздававшейся грамматики немецкого языка («*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*», 1748)². С 1774 г. во владениях Габсбургов постепенно вводилось всеобщее начальное образование, основным языком преподавания стал немецкий. Сын Марии Терезии — Иосиф II (1780–1790 гг.) — декретом о языке 1784 г. повелел заменить латынь на немецкий в органах государственного управления во всех своих владениях, по сути сделав его «инструментом, сплывающим

¹ Так эту цель сформулировал в 1751 г. Иоганн Генрих Готлиб Юсти (1717–1771), первый профессор красноречия (*Beredsamkeit*) знаменитого венского Терезианума. См.: Besch, Betten, Reichmann, Sonderregger (Hrsg.) 2003: 2278, 2367–2368.

² Evans 2004: 5–8.

этнические сообщества Габсбургской монархии и ее управленческие элиты»³.

В Российской империи меры поддержки русского языка затрагивали преимущественно сферу образования. В 1766 г. трудами Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795) русский язык стал обязательным для изучения в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе; в 1768 г. Екатерина II разрешила читать лекции в Московском университете на русском языке⁴, фактически придав ему статус основного языка в преподавании. В конце 1770-х годов началось создание системы начальных учебных заведений. Приступившая в 1782 г. к работе Комиссия об учреждении народных училищ под руководством австрийского серба Теодора Янковича де Мириево (1741–1814) за несколько лет подготовила комплект учебников по разным дисциплинам на русском языке⁵. В 1783 г. в Петербурге по образцу Французской академии открылась так называемая Академия Российская как центр по изучению русского языка и словесности, главной целью которой стало создание словаря русского языка⁶. Примечателен также указ Правительствующего Сената от 9 сентября 1773 г. «О прилежании Российскому юношеству к совершенному познанию Немецкаго языка, а гражданским чиновникам в Немецких Провинциях к изучению языка Российскаго». Стимулом к такому прилежанию должны были стать преимущества при продвижении по карьерной лестнице⁷.

Современная историография проявляет интерес не только к языковой политике европейских монархов эпохи Просвещения, но и к процессам распространения и использования иностранных языков в различных сферах общественной (управлении, науке, образовании, культуре) и частной жизни. Анализируя языковые практики и факторы перехода с родного языка на иностранный и обратно (*code-switching*), историки размышляют о роли иностранных языков в формировании национальной и социальной идентичности представителей отдельных этнических и социальных групп — главным

³ Хаванова 2018: 304.

⁴ Белявский 1995: 192.

⁵ Воронов 1858.

⁶ См. подробнее: Offord, Argent, Rjéoutski 2015: 25–45.

⁷ ПСЗ. Собрание 1. М., 1830. Т. 19. № 14036. С. 818–819.

образом тех, кто принадлежал к привилегированным слоям населения⁸.

Дипломатический материал в изучении рассматриваемой проблематики еще только начинает привлекать внимание специалистов. В. Ржеуцкий, Д. Оффорд и Ж. Аржан проследили основные особенности использования латинского, немецкого и французского языков в международных договорах, заключенных Россией в конце XVII — начале XIX вв., и в делопроизводстве российского внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел — с момента ее создания Петром I в 1718 г.⁹ Кроме того, В. Ржеуцкий показал, что уже в первой половине XVIII в. некоторые русские по происхождению дипломаты начали использовать французский язык в переписке с русскими коллегами¹⁰.

В статье сравниваются языковые практики и стратегии российских и австрийских дипломатов второй половины XVIII в. на основе изучения отдельных, наиболее ярких примеров, с которыми мне удалось познакомиться в ходе работы с дипломатической перепиской в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном архиве древних актов в Москве и Австрийском государственном архиве в Вене. В центре исследования — проблема выбора между родным и французским языком, который российские и австрийские дипломаты делали при составлении официальных донесений и частных писем, адресованных монархам и руководителям внешнеполитических ведомств. Представленные выводы следует считать предварительными ввиду огромного объема документов, который еще предстоит обработать.

К концу правления Екатерины II Россия имела 25 постоянных миссий в Европе¹¹, не считая консульских. Через них прошло около 100 дипломатов, включая советников посольства, которые становились главами миссии на время отпуска или отъезда министра.

⁸ См. например: Häberlein, Keese (Hrsg.) 2010; Rjéoutski, Frijhoff (eds.) 2018; Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.) 2019.

⁹ Offord, Rjéoutski, Argent 2018: 263–326 (глава 5 «French in diplomacy and other official domains»); Rjeoutski, Offord, Argent 2019.

¹⁰ Ржеуцкий 2017.

¹¹ Вена, Берлин, Стокгольм, Копенгаген, Париж, Лондон, Гаага, Константинополь, Варшава, Мадрид, Гамбург, Данциг, Регенсбург, Митава, Дрезден, Турин, Эйтин, Флоренция (позже Пиза), Неаполь, Лиссабон, Франкфурт-на-Майне, Генуя, Мальта, Мюнхен.

Примерно половина дипломатов, служивших в Коллегии иностранных дел, были иностранного происхождения. К таковым можно отнести не только подданных иностранных государств (главным образом германских и итальянских), но и выходцев из Остзейских губерний Российской империи в первом или втором поколении, для которых родным был немецкий язык. Опыт каждого дипломата уникален, но поскольку их объединяет род занятий и необходимость подолгу находиться вне привычной языковой среды, то некоторые закономерности в реализации языковых стратегий все-таки можно проследить. Статья основывается на материалах миссий в Вене, Берлине, Регенсбурге, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Гааге, Константинополе.

В Коллегии иностранных дел существовало неписаное правило — реляции на имя монарха составлять на родном языке: русские по происхождению дипломаты делали это на русском языке, дипломаты иностранного происхождения — на немецком или итальянском. Отступления от правила обычно приходилось объяснять. Так, граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826), направляясь к месту службы во Франкфурт-на-Майне проездом через Вену, в апреле 1782 г. удостоился личных встреч с императором Иосифом II. Реляцию о первой беседе он составил Екатерине II по-французски, на что обратил внимание в сопроводительном письме вице-канцлеру И. А. Остерману (1725–1811) на русском языке («дабы сохранить всю точность изречений договора моего с Императором»¹²). Подробности второй встречи были изложены императрице по-русски¹³. Во всяком случае, до начала 1790-х годов реляции, составленные по-немецки и по-итальянски, исправно переводились на русский язык сотрудниками Секретной экспедиции (об этом свидетельствуют, например, документы миссии в Регенсбурге, куда русских назначали крайне редко). При этом в 1750-е годы рескрипты и инструкции для дипломатов германского происхождения могли составляться на немецком языке и лишь потом переводиться на русский¹⁴.

¹² Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, 3 (14) апреля 1782 г., Франкфурт // АВПРИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 2. Д. 3. Л. 32.

¹³ Н. П. Румянцев — Екатерине II, Франкфурт, 8 (29) мая 1782 г. // Там же. Л. 43–45об.

¹⁴ См., например, проекты инструкции и рескриптов резиденту в Регенсбурге Георгу Генриху Бютнеру за 1756–1757 гг., составленные на немецком языке, и их черновые переводы на русский язык: Там же. Ф. 83. Сношения России с имперским собранием.

С руководством Коллегии иностранных дел русские по происхождению дипломаты переписывались как на русском, так и на французском языках, а дипломаты иностранного происхождения — преимущественно на французском¹⁵. В 1750-е — первой половине 1760-х годов депеши и письма, составленные на французском языке, переводились на русский, но с середины 1760-х годов эта практика постепенно сходит на нет, что свидетельствует об упрочении позиций французского языка в российском внешнеполитическом ведомстве. В екатерининскую эпоху росло число рескриптов и различного рода инструктивных документов, составленных по-французски¹⁶. При этом 22 декабря в 1787 г. императрица издала циркулярный рескрипт, предписывавший всем служившим за границей «природным россианам» писать донесения на ее имя и в Коллегию иностранных дел, а также использовать в переписке между собой русский язык, «исключая только те случаи, где существо дела, предстоящего к их донесению, взыскивать будет точного сохранения слов языка, на котором оное трактовано было»¹⁷. Влияние этого указа на языковую практику российских дипломатов нуждается в дополнительных исследованиях. Но, судя по опубликованной подборке донесений за 1789 г., они не спешили исполнять полученные предписания, продолжая чередовать русский и французский¹⁸.

Для официальных дипломатических донесений не характерны переход с языка на язык и использование отдельных слов на другом языке в рамках одного текста. Таким образом, приступая к работе над донесением, дипломату нужно было сразу принять решение, на каком языке писать. Процесс принятия подобных решений в источниках почти не отражен. Тем не менее попытаемся выделить факторы, оказывающие влияние на языковые практики.

Оп. 1. 1756 Д. 2. Установить составителя рескриптов по почерку пока не удалось. Можно предположить, что канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, хорошо владевший немецким языком, диктовал рескрипты кому-то из сотрудников Секретной экспедиции.

¹⁵ Существуют и примеры систематической переписки на русском языке среди дипломатов — остзейских немцев, например Карла Матвеевича Симолина и Христофора Ивановича Петерсона.

¹⁶ Offord, Rjéoutski, Argent 2018: 291.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1787. Д. 702. Л. 10.

¹⁸ Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789): сборник документов из Архива внешней политики МИД СССР / под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1989.

Всякая переписка подразумевает общение двух человек. В нашем случае это переписка между начальником и подчиненным, поэтому личность адресата дипломатических донесений, который должен понять их содержание, иногда имеет куда большее значение, чем личность отправителя, чья деятельность *a priori* требует знания иностранных языков.

В первые годы правления Екатерины II главой Коллегии иностранных дел официально до 1765 г., а фактически до октября 1763 г. был канцлер Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767), затем с 1763 по 1781 г. — Никита Иванович Панин (1718–1783, граф с 1767 г.), назначенный первоприсутствующим и даже после отставки Воронцова не получивший чин канцлера. Второй по значимости пост вице-канцлера занимали с 1762 по 1774 г. князь Александр Михайлович Голицын (1723–1807), а с 1775 по 1796 г. — Иван Андреевич Остерман. Когда в 1781 г. Панина вынудили уйти в отставку, Остерман стал президентом Коллегии иностранных дел (также без чина канцлера), но наибольшее влияние на внешнеполитические дела имел секретарь Екатерины II и с 1784 г. второй член Коллегии Александр Андреевич Безбородко (1747–1799, граф с 1785 г., светлейший князь с 1797 г.).

Из пяти указанных деятелей М. И. Воронцов и А. А. Безбородко не имели опыта дипломатической службы, но вполне справлялись с обязанностями по ведению переговоров и неформальному общению с представителями дипломатического корпуса. При этом Воронцов, вероятно, согласился бы с мнением прусского посланника в Петербурге А. А. Мардефельда, высказанном в 1746 г., что прескверно изъясняется на немецком и французском языках¹⁹, поскольку в 1757 г. сам просил фаворита Елизаветы Петровны И. И. Шувалова (1727–1797) оказать снисхождение своему «дурному французскому языку»²⁰. Основным языком общения Воронцова, как и для многих других представителей его поколения, был русский²¹. Документы АВП РИ свидетельствуют о том, что французские тексты для него обычно переводили.

¹⁹ Лиштенан 2000: 278.

²⁰ Письма гр. М. И. Воронцова к И. И. Шувалову // Русский архив. 1864. № 4. С. 350.

²¹ Tipton 2015: 136.

В отличие от М. И. Воронцова, в 1745–1746 гг. и в 1763–1765 гг. путешествовавшего по Европе, А. А. Безбородко никогда не покидал пределов России. АВП РИ хранит записки и мемуары, составленные его рукой по самым разным внешнеполитическим вопросам, значительная часть — на русском языке. Неудивительно поэтому, что русские по происхождению дипломаты переписывались с ним преимущественно на родном языке.

И. А. Остерман был сыном Генриха Иоганна Фридриха (Андрея Ивановича) Остермана (1686–1747), служившего вице-канцлером при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне и Иване VI, и русской дворянки Марфы Ивановны Стрешневой. После переворота Елизаветы Петровны Иван Остерман остался на российской службе, хотя и был переведен из гвардии в армию. В 1742 г. он покинул Россию, много путешествовал, изучал иностранные языки, в 1757 г. был прикомандирован к российской миссии в Париже, с 1760 по 1774 г. служил посланником в Швеции. По возвращении в Петербург в 1774 г. он явно предпочитал переписываться с российскими дипломатами на французском языке. Безбородко же писал Остерману по-русски.

Выбор языка, который русские дипломаты делали в переписке с Н. И. Паниным и А. М. Голицыным, труднее поддается анализу. Оба представляли интересы России за рубежом, где провели значительную часть жизни, оба владели русским и французским одинаково хорошо, о чем свидетельствуют в том числе комментарии, оставленные ими на полях дипломатических донесений. Довольно часто язык донесений, адресованных Панину и Голицыну, совпадает с языком писем, поступавших из Петербурга. Но поскольку число донесений всегда превышало число инструктивных документов, то выбор языка зависел от многих самых разных обстоятельств: например, от способа передачи текста и от предмета переписки. Существенно чаще русский язык использовался для донесений, подлежавших шифровке: редкий для европейцев язык предоставлял больше возможностей для сокрытия конфиденциальной информации, хотя шифры на французском языке также широко использовались в делопроизводстве Коллегии иностранных дел.

Среди сюжетов, обсуждавшихся дипломатами русского происхождения с руководством Коллегии чаще на русском языке, можно выделить дела личного состава миссий, официальные характеристики служащих посольства, данные в ответ на официальные запросы,

а также выплата жалованья, почтовых и «чрезвычайных издержек». К «чрезвычайным издержкам» относились средства, потраченные на служебные поездки, получение важных или секретных документов и подкуп, на приобретение по просьбе своего двора предметов роскоши, книг, произведений искусства²². Дешети подобного содержания могли передаваться в Публичную экспедицию Коллегии или другие ведомства и служить основанием для повышения жалованья, оплаты долгов, предоставления дополнительных средств на нужды миссии, а также для назначения на новые посты. При этом сам список издержек мог быть составлен по-французски.

На французском языке обычно писали, когда нужно было точно передать содержание переговоров или бесед с иностранными министрами. Однако дипломатическая переписка свидетельствует, что русские послы и посланники могли с легкостью обсуждать самые разные проблемы международных отношений и на русском языке, а использование профессиональной терминологии, уже сложившейся к середине века, трудностей не вызывало. Поскольку термин «дипломат» еще не появился, служащие внешнеполитического ведомства писали о своем «министерстве» или «министерском характере», «посольском характере» или «характере полномочного министра», «министерском долге», «министерской корреспонденции», «взаимных посланничествах», а по-французски: *correspondence ministérielle, mon role ministeriel, ma mission, les affaires ministeriales, carrière ministériale*.

Количество заимствований и калек из европейских языков (особенно французского) к середине XVIII в. стабилизировалось. Такие слова, как «сукцессор», «авертировать», «аккордовать», «инвита́ция», «алианция», постепенно заменялись русскими эквивалентами, но термины «негосиация», «кара́ктер», «кредитив», «мемуар», «но́та», «тракта́т», «резолю́ция», «конфирма́ция», «апроба́ция» прочно утвердились в русском языке. При этом «посредничество» («посредство») и «поверенность» («доверенность») широко использовались вместе с латинскими аналогами — «медиация» и «конфиденция».

---

²² Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, Франкфурт, 1 (12) декабря 1786 г., (к депеше приложен счет) // АВП РИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфургом-на-Майне. Оп. 2. Д. 34. Л. 97, 98 (все документы в этом деле, кроме упомянутой депеши и счета, относятся к 1785 г.).

Новое понятие «дипломатический корпус», означавшее первоначально свод дипломов, или документов по международному праву, постепенно было перенесено на весь состав иностранных миссий, находящихся в одной стране. Так, французский поверенный в делах в Петербурге Лоран Беранже уже в 1762 г. писал о «членах дипломатического корпуса» (*les membres du corps diplomatique*)²³. Первые упоминания этого термина в российской дипломатической переписке относятся к середине 1760-х годов: министр в Регенсбурге И. М. Симолин (1720–1799) в 1765 г. использовал словосочетание «*tout le corps diplomatique*» («весь дипломатический корпус»)²⁴. В 1787 г. посланник во Франкфурте-на-Майне Н. П. Румянцев писал о «дипломатическом корпусе» при дворе майнцского курфюрста уже на русском языке²⁵. Он же использовал прилагательное «дипломатический» в других словосочетаниях, например: «герцог Виртембергский писал ко мне в виде дружеского не дипломатического сношения»²⁶; «навел я разговор на склонность, каковую имеют в Германии к пространному и нелепому толкованию всякаго дипломатического подвига»²⁷.

Таким образом, выбор языка во многом определяли личные предпочтения дипломата, обусловленные уровнем его образования, социальным происхождением и культурным опытом, семейными традициями. Чередование русского и французского языков в переписке с руководством Коллегии характерно для многих дипломатов, родившихся в 1710–1730-е годы. Среди них — посланник в Берлине князь Владимир Сергеевич Долгоруков (1717–1803), посол в Вене князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793), резидент в Регенсбурге и поверенный в делах в Константинополе Павел Артемьевич Левашев (1726/27–1820), посланник в Гамбурге и Лондоне Алексей Семенович Мусин-Пушкин (1731/1732–1817). Можно предположить,

²³ Л. Беранже — герцогу Шуазелю, Санкт-Петербург, 2 (13) июля 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140: Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Императрицы Екатерины II, часть 1-ая (годы с 1762 по 1765). С. 10.

²⁴ И. М. Симолин — А. М. Голицыну, 31 января (11 февраля) 1765 г.: // РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 3203. Л. 1об.

²⁵ АВП РИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 49. Л. 32об.

²⁶ Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, 19 (30) августа 1785 г. // Там же. Д. 32. Л. 20.

²⁷ Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, 19 (30) августа 1786 г. // Там же. Д. 43. Л. 63об.

что их детство и юность пришлось на те годы, когда французский язык в России еще только набирал силу. При этом в случае с Долгоруковым и Голицыным чаша весов склоняется в пользу французского языка, возможно потому, что оба начали дипломатическую карьеру в Париже в качестве дворян посольства. Определенную роль сыграло и место их дальнейшей службы: Вена и Берлин безусловно являлись центрами французской придворной культуры, в отличие от Гамбурга, Регенсбурга или Константинополя, откуда Мусин-Пушкин и Левашев чаще писали по-русски.

Братья Николай Петрович и Сергей Петрович Румянцевы, рожденные в 1754 и 1755 гг., переписывались с Коллегией иностранных дел и со своим родным дядей Дмитрием Михайловичем Голицыным по служебной надобности, за редкими исключениями, по-французски. Юные годы они провели в путешествиях по Европе под руководством художественного агента и постоянного корреспондента Екатерины II барона Фридриха Мельхиора Гримма (1723–1807), учились в Лейденском университете, какое-то время служили при дворе и, по-видимому, привыкли к общению на иностранном языке. При этом оба имели опыт переписки по-русски — по крайней мере со своим знаменитым отцом фельдмаршалом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским (1725–1796). Как отмечено историком А. Бекасовой, в письмах его сыновей «содержится немало характерных примеров, которые можно отнести к шедеврам “высокого” эпистолярного стиля того времени»²⁸. Поэтому в идеале необходимо сравнивать служебную и частную переписку дипломатов, чтобы прояснить их языковые стратегии.

Весьма интересной для исследователя представляется переписка Дмитрия Михайловича Голицына, с 1761 по 1792 г. служившего в Австрии сначала в ранге посла, затем посланника и снова посла. Россию он покинул в 1758 г., отправившись в путешествие по Европе, был в 1759 г. прикомандирован к миссии в Париже и больше на родину не возвращался. Голицын принадлежал к тем дипломатам, которые переписывались с руководством Коллегии иностранных дел как на русском, так и на французском языках. В разные годы тот или иной язык выходил на первое место, но динамику проследить довольно сложно, то есть нельзя сказать, что в первые годы пребывания

---

²⁸ Бекасова 2012.

в Вене Голицын писал больше по-русски, а в последние по-французски или наоборот. Объяснить выбор языка тоже не всегда возможно.

Дмитрий Михайлович был двоюродным братом вице-канцлера Александра Михайловича Голицына. Однако их связывали не только родственные, но и дружеские в современном понимании этого слова отношения. Переписка, сохранившаяся в фонде Голицыных в РГАДА, продолжалась до самой смерти Дмитрия Михайловича в 1793 г., но до ухода Александра Михайловича в отставку в 1774 г. она балансировала на грани официальной и личной. Многие письма, отправленные Дмитрием Михайловичем брату, независимо от языка, на котором они составлены, содержат собственноручные приписки крайне неразборчивым почерком, чаще по-русски. Чем это можно объяснить: ностальгией ли по родине, осознанным желанием иногда писать по-русски или сиюминутным порывом? Приписки по-русски и по-французски могли следовать друг за другом. Собственноручный текст в рассматриваемую эпоху воспринимался как знак особого расположения адресату или показатель серьезности обсуждаемого дела. Иногда дипломаты даже монархам писали собственноручно, чтобы подчеркнуть значимость передаваемого сообщения.

В письмах Д. М. Голицына немало свидетельств смены языка внутри одного текста, переписанного секретарем. Так, письмо от 14 (25) апреля 1781 г. начинается по-русски сведениями об отправке в Россию купленных в Европе картин и эстампов для собрания Александра Михайловича, продолжается рассказом также на русском о пребывании в Италии молодого князя Дмитрия Михайловича Голицына (родного племянника Александра Михайловича). Далее следуют рассуждения на французском языке о том, что пребывание за границей требует неизбежных расходов, и лекарства от этого нет: путешествия стоят дорого. Этот сюжет сменяется рассказом на русском языке о поведении английского двора в конфликте с Голландией, в который вклинивается одна фраза по-французски: «*Voilà, les ressources et avantages réels pour l'Angleterre*» («Вот настоящие возможности и преимущества для Англии»). Завершается письмо постскриптумом на французском языке о покупках юного князя Дмитрия в Италии²⁹.

Дж. Типтон, анализируя рукописное наследие семейства Воронцовых, выделила четыре фактора перехода с языка на язык в рамках

²⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1152. Л. 25–27об.

одного текста: необходимость процитировать кого-то; соблюдение эпистолярного этикета (обычно обращения и этикетные формулы вежливости писались по-французски); обсуждение русских реалий, отсутствующих во французском языке; передача абстрактных понятий и чувств на французском языке³⁰. По переписке Д. М. Голицына подобные закономерности почти не прослеживаются. Письма на русском языке открываются обращением «милостивой государь мой братец». Одни и те же сюжеты могут быть отражены и по-русски, и по-французски, кроме, пожалуй, хозяйственных дел князя: покупки земель или крепостных, получения доходов с деревень, их обустройства. Дмитрий Михайлович, проявлявший интерес к благотворительности, советовался с двоюродным братом по этому вопросу чаще на русском языке. А вот переписка по поводу воспитания многочисленных племянников обоих князей, опекунами которых они часто выступали вместе, велась преимущественно на французском языке, видимо для того, чтобы использовать ее в переписке с иностранными гувернерами³¹. Когда дело касалось чувств, Дмитрий Михайлович чаще писал по-французски, например, о болезни и смерти горячо любимой жены Екатерины Дмитриевны (1720–1761)³². Тем не менее о сложных взаимоотношениях императора Иосифа II и его второй супруги Йозефы Баварской (1739–1767) он подробно сообщал вице-канцлеру на русском языке³³.

Еще один фактор, оказывающий влияние на выбор языка дипломатических донесений, — это опыт и языковые навыки сотрудников миссии: советников или секретарей посольств, переводчиков и актуариусов, дворян, юнкеров, офицеров посольства, имевших отношение к составлению и шифровке документов, хотя мы точно не знаем, как распределялись обязанности в работе над текстом. Главы миссий могли диктовать текст, поручать составление донесений по отдельным сюжетам наиболее способным или проверенным сотрудникам. Необходимо изучать структуру каждой миссии, отслеживать передвижения ее сотрудников, разбираться в почерках, а это, безусловно, отдельная исследовательская задача.

³⁰ Tipton 2015, 135.

³¹ См.: Берелович 2011.

³² Д. М. Голицын — А. М. Голицыну, 3 (14) ноября 1761 г., Вена // РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1128. Л. 21–22.

³³ Д. М. Голицын — А. М. Голицыну, Вена, 10 (21) марта 1766 г. // Там же. Л. 4–6об. (в этом деле собраны письма за разные годы).

Обратимся к особенностям языковых практик австрийских дипломатов, которые представляли интересы не только дома Габсбургов, но в первую очередь — императоров Священной Римской империи (*Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*), с 1438 г. выбиравшихся из членов этой династии. Во второй половине XVIII в. Габсбурги имели более 80 дипломатических миссий³⁴, большинство из них располагались в границах империи, поскольку после заключения в 1648 г. Вестфальских мирных договоров все имперские штаты (в русской традиции — сословия или чины) получили право на проведение собственной внешней политики.

Дипломатическое ведомство Монархии Габсбургов выделилось в 1742 г. из Австрийской придворной канцелярии (*Österreichische Hofkanzlei*)³⁵, и с 1757 по 1793 г. носило название «Императорская королевская тайная придворная и государственная канцелярия иностранных, нидерландских и итальянских дел» («*Kaiserliche königliche geheime Hof- und Staats-Canzley der auswärtigen, niederländischen und italiänischen Geschäfte*»), поскольку к его компетенции относилось управление Австрийскими Нидерландами и Миланским герцогством, вошедшими в состав наследственных владений династии после Войны за испанское наследство 1701–1714 гг.³⁶

В Нидерландском департаменте делопроизводство велось преимущественно на французском языке, в Итальянском департаменте — на итальянском. Но основным языком делопроизводства Государственной канцелярии во второй половине XVIII в. был немецкий. Именно на нем составлялись инструкции (*Instruktionen*) для дипломатов, отправлявшихся к новому месту службы и адресованные им

³⁴ Winter (Hrsg.) 1965: 62–98.

³⁵ Австрийская придворная канцелярия в свою очередь выделилась в 1620 г. из Имперской придворной канцелярии (*Reichshofkanzlei*), созданной в 1559 г. и с 1648 г. постепенно утрачивавшей свое значение. Номинальным главой Имперской придворной канцелярии был имперский эрцканцлер Священной Римской империи — пост, который традиционно занимали курфюрсты Майнца, но фактически этим ведомством руководил имперский вице-канцлер, которому австрийские дипломаты также направляли официальные донесения, касающиеся преимущественно внутримперских дел, но объем этих донесений в разы меньше, чем тех, что адресованы главе Государственной канцелярии. В рамках этой статьи делопроизводство Имперской придворной канцелярии не рассматривается. См.: Hartmann 2019: 280–282; Hochedlinger 2019a: 323–332.

³⁶ Göbl, Hochedlinger 2019: 445–452; Hochedlinger 2019b: 453–460; Capra 2019: 526–533; Zedinger 2019: 537–540.

регулярные указания (*Weisungen*), а также значительное число донесений (*Berichte*) на имя государственного канцлера Венцеля Антона Кауница-Ритберга (1711–1794), реже монарха.

В статье обобщается опыт работы с перепиской австрийских дипломатов, в разные годы служивших в Петербурге, Берлине, Париже, Константинополе, Регенсбурге, Гамбурге и Франкфурте. Большинство из них вообще не писали по-французски в официальных донесениях. Этот факт вызывал у исследователей удивление. О. В. Хаванова, реконструировавшая детали повседневной жизни австрийских послов и посланников в Петербурге в 1760–1770-е годы, предположила, что секретари посольства, на которых была возложена работа по сбору официальной и конфиденциальной информации о событиях при дворе и переписыванию донесений набело, недостаточно владели французским языком или не владели им вообще. В пользу такого предположения говорит тот факт, что в архивных делах зачастую можно встретить коротенькие собственноручные записки главы миссии, адресованные канцлеру и составленные на французском языке³⁷.

Сохранилось не так много свидетельств из первых уст, раскрывающих дипломатическую кухню. Среди них донесения австрийского посла в Париже в 1753–1766 гг. Иоганна Георга фон Штаремберга (1724–1807), пользовавшегося иногда французским языком в официальных текстах. В начале 1757 г. он обратился к канцлеру Кауницу с просьбой прислать в миссию второго секретаря, одинаково хорошо владеющего французским и немецким языками. Штарембергу приходилось привлекать к работе своего личного секретаря (собиравшегося в ближайшее время вернуться в Вену, его имя в источнике не указано), потому что действующий секретарь посольства дю Барре не вполне справлялся со своими обязанностями³⁸:

Если один из нас серьезно заболел, я не знаю, что будет с делами. Мои поездки в Версаль, проведение конференций с министрами, общение с публикой, необходимое для того, чтобы я знал обо всем, что происходит, и обо всем, о чем говорят, требуют бесконечного

³⁷ Хаванова 2016: 64; Хаванова 2017: 83.

³⁸ И. Г. Штаремберг — В. А. Кауницу, Париж, 31 января 1757 г. // ÖStA. HHStA. Staatskanzlei. StA. Frankreich. Diplomatische Korrespondenz. Kt. 99. Starhemberg an Kaunitz. Konv. 1757. I–VI. Fol. 46–46 v. Перевод с фр. яз. мой. — М. II.

количества времени. Если прибавить к этому [время, необходимое. — М.П.] для писаний (*écritûres*), я не понимаю, как мне удается за двадцать четыре часа делать все, что я делаю³⁹.

Большой интерес в связи с обсуждаемой проблемой представляют донесения австрийского интернунция в Константинополе в 1780–1802 гг. барона Петра Филиппа Герберта фон Раткеля (1735–1802), более половины которых составлены на французском языке. Это обстоятельство, вероятно, обусловлено особенностями его биографии. Герберт происходил из семьи ирландского якобита Иоганна Герберта-Раткеля, покинувшего Англию после Славной революции в 1688 г. и поселившегося в Константинополе, и представительницы древнего албанского рода Франциски фон Скандерберг. Рано оставшись сиротой, Петер Филипп пользовался покровительством дипломатического корпуса в Константинополе, благодаря чему получил возможность учиться в Вене в Академии восточных языков (*Orientalische Akademie*), основанной Марией Терезией в 1754 г. Карьеру он начал в 1760 г. с должности библиотекаря графа Иоганна Карла Кобенцля (1721–1770), полномочного министра императора в Австрийских Нидерландах; с 1763 г. служил в Нидерландском департаменте австрийской Государственной канцелярии, в числе прочего отвечал за переписку на французском языке; в 1779 г. был уполномоченным на Тешенском конгрессе, а в 1780 г. по собственному желанию вернулся в родной Константинополь в ранге интернунция⁴⁰.

Можно предположить, что до начала дипломатической карьеры Герберт редко писал по-немецки. Поэтому в его донесениях преобладал французский язык, особенно когда речь шла об отношениях иностранных держав, российско-австрийском взаимодействии в Константинополе (а в 1780-е годы Вена и Петербург были союзниками), повседневном общении дипломатов. Немецкий язык чаще использовался в донесениях, посвященных внутренней политике Османской империи⁴¹. Зависимость выбора языка от предмета переписки могла быть связана с распределением обязанностей среди

³⁹ Собственноручная записка И. Г. Штаремберга В. А. Кауницу на французском языке от 3 февраля 1757 г. // *Ibid.* Fol. 64.

⁴⁰ Kraelitz-Greifenhorst 1907: 210–211.

⁴¹ Эти выводы сделаны на основании работы с донесениями Герберта за 1781–1784 гг. // *HHStA. Staatskanzlei. StA. Türkei II. Diplomatische Akten. Kt. 75–85.*

сотрудников миссии и познаниями в языках — проблема, к которой так или иначе приходится возвращаться в тексте статьи⁴².

Наряду с официальными донесениями в распоряжении исследователей есть параллельная полуофициальная, на грани личной, переписка некоторых австрийских дипломатов с императором Иосифом II, канцлером Кауницем, вице-канцлером графом Иоганном Филиппом Кобенцлем (1741–1810), составленная преимущественно на французском языке. Наиболее яркий пример — переписка за 1780-е годы посланника (с 1784 г. посла) в Петербурге графа Иоганна Людвига Кобенцля (1753–1809) и посла в Париже графа Флоримона Клода Мерси-Аржанто (1727–1794), пользовавшихся доверием императора и государственного канцлера, известного знатока французской культуры.

Любопытный факт: все не слишком многочисленные шифрованные фрагменты в переписке Иосифа II и Кобенцля составлены исключительно по-немецки⁴³. Граф Мерси, уроженец Льежского епископства, для которого, по-видимому, французский язык был родным, переписывался с императором и канцлером Кауницем только по-французски. В 1783 г. посол получил новый шифр для документов на французском языке, но отказался им пользоваться. Свою позицию он объяснял тем, что шифровальщики версальского кабинета смогут подобрать ключ к любому шифру уже после второго или третьего его применения. Мерси предпочитал иметь надежные каналы доставки корреспонденции — проверенных курьеров⁴⁴.

Собственноручную переписку на французском языке с государственным вице-канцлером графом И.Ф. Кобенцлем вел посланник в Берлине в 1785–1789 гг. князь Генрих Ройс цу Грайц (1749–1799). Письма австрийского дипломата содержат не только сведения о его личной жизни и карьере, но и ценные подробности австро-пруссских отношений, меткие характеристики политических

---

⁴² Посланник в Берлине в 1779–1785 гг. венгерский дворянин Карл Ревички (1737–1793) также иногда (особенно часто в 1782 г.) писал официальные донесения на французском языке.

⁴³ См., например: Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl. Ihr Briefwechsel / hrsg. von A. Beer, J. Ritter von Fiedler. Wien: In Commission bei Carl Gerold's Sohn, Buchhändler der Kais. Akademie der Wissenschaften, 1901. Bd. 1. S. 41, 44, 57.

⁴⁴ *Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le prince de Kaunitz* / publ. par A. Ritter von Arneth, J. Flammermont. Paris: Imprimerie Nationale, 1889. T. 1. P. 223, 235, 246.

деятелей Священной Римской империи. Визуально они отличаются от официальных немецкоязычных донесений, поскольку написаны на листах маленького формата. Во французском тексте писем Ройса встречаются вставки на немецком языке, как правило, или при цитировании оригинальных документов, или при передаче содержания важных разговоров, а также отдельные немецкие слова, которые Ройс, вероятно, не знал по-французски, например: «выскачка» (*Vorlaut*), «всезнайка» (*Naseweiß*), «снайпер» (*Scharfschützen*). В недатированном письме за 1787 г. он употребил слово «шпион» по-французски (*espion*)⁴⁵, а 25 мая 1788 г. — по-немецки (*Kundschafter*)⁴⁶.

Иногда дипломату казалось уместнее использовать устойчивые выражения на родном языке. Так, сообщая своему покровителю графу Кобенцлю об истинной причине с нетерпением ожидаемого отпуска — знакомстве с богатой невестой и ее родителями и возможном сватовстве, Ройс шутливо заметил: «Если бы я получил разрешение, то мог бы уже в конце июня [1788 г. — М.П.] <...> спокойно отправиться на поиски прекрасной дамы или корзины (*chercher une jolie femme ou einen Korb*)»⁴⁷. В немецком языке выражение «получить корзину» (*einen Korb erhalten, bekommen, kriegen*) означает получить отказ при сватовстве.

Размышляя по-французски в начале письма от 17 августа 1786 г. о сложностях работы австрийского дипломата при традиционно враждебном берлинском дворе, князь Ройс жаловался вице-канцлеру:

Меня удручает, что мои коллеги относятся ко мне, пожалуй, более сдержанно, чем сами пруссаки, которые мне часто повторяют, что забыли о том, что я — министр Австрии, на что я им всегда отвечаю, что являюсь их другом, от которого не следует иметь тайн. *Если человеку помогают видеть, у него есть большое преимущество, я же нахожусь один среди людей, на которых часто ужасно злюсь*⁴⁸ (закурсивлен текст на немецком языке. — М.П.).

⁴⁵ HHStA. Staatskanzlei. Diplomatische Korrespondenzen. Preußen. Kt. 65. Konv. Briefe des Grafen Reuß. 1787 (листы письма не нумерованы)

⁴⁶ Г. Ройс — И. Ф. Кобенцлю, Берлин, 25 мая 1788 г. // Ibid. Kt. 66. Konv. Briefe des Grafen Reuß. 1788. Fol. 14.

⁴⁷ Г. Ройс — И. Ф. Кобенцлю, Берлин, 25 мая 1788 г. // Ibid. Fol. 13v–14.

⁴⁸ Г. Ройс — И. Ф. Кобенцлю, Берлин, 17 августа 1786 г. // Ibid. Kt. 64. Fol. 127.

Затем дипломат перешел на французский язык, обращаясь к графу Кобенцлю с просьбой повисить вознаграждение своему доверенному лицу, помогавшему добывать ценные сведения. На четвертой странице этого десятистраничного письма Ройс на полуслове сменил язык и продолжил писать по-немецки до конца текста, сообщая о текущих делах берлинской миссии⁴⁹.

Пожалуй, основной вывод, который крайне осторожно можно сделать, анализируя языковые практики австрийских дипломатов, заключается в том, что французский использовался ими скорее для установления личного, доверительного контакта с монаршими особами или руководителями Государственной канцелярии, в то время как немецкий оставался языком официального общения с ними. В российской Коллегии иностранных дел французский и русский языки были равноправны и водораздел между частной и служебной перепиской проходил не по языковому признаку, очевидно потому, что в ведомстве служило немало иностранцев. Выбор русского или французского языка был обусловлен в первую очередь личными пристрастиями, способностями и привычками дипломата и его адресата, отчасти сюжетом переписки. Более разнообразие языковых стратегий российских дипломатов требует, на мой взгляд, более пристального внимания к изучению уровня владения языками у сотрудников российских миссий за рубежом, хотя и для истории австрийской Государственной канцелярии эта проблема является актуальной.

Список сокращений

- АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
StA — Staatenabteilungen
ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien
HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

---

⁴⁹ Ibid. Fol. 127v–133v.

Литература

- Бекасова 2012 — *Бекасова А.* Отцы, сыновья и публика в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 99–129. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/be20.html#_ftn1 (дата обращения: 25.11.2019).
- Белявский 1995 — *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. 312 с.
- Берелович 2011 — *Берелович В.* Гувернеры в семье Голицыных. 1760–1780 гг. // Французский ежегодник 2011. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 190–199.
- Воронов 1858 — *Воронов А. С.* Федор Иванович Янкович де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб.: Типография Праца, 1858. 168 с.
- Лиштенан 2000 — *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2000. 407 с.
- Ржеуцкий 2017 — *Ржеуцкий В. С.* Выбор языка: российская дипломатия в первой половине XVIII века и использование французского языка // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв.: сб. статей / отв. ред. М. Ц. Арзаканян. М.: Геоинфо, 2017. С. 122–131.
- Хаванова 2016 — *Хаванова О. В.* Австрийские послы и посланники при русском дворе в период охлаждения двусторонних отношений в 60-е — начале 80-х годов XVIII в. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 58–76.
- Хаванова 2017 — *Хаванова О. В.* «Я послал к нему Айхенфельда...» Биография и карьера секретаря австрийского посольства в Петербурге // Славяноведение. 2017. № 5. С. 80–87.
- Хаванова 2018 — *Хаванова О. В.* Усердие, честолюбие и карьера: Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М.: Индик, 2018.
- Besch, Betten, Reichmann, Sonderregger (Hrsg.) 2003 — Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderregger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. Teilband 3. 3001 S.
- Capra 2019 — *Capra C.* Die Zentralbehörden für die italienischen Provinzen (1713–1796) // Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau Verlag, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich,

- Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 522–533. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Evans 2004 – *Evans R.J.W.* Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy // *Austrian History Yearbook*. 2004. Vol. 35. P. 1–24.
- Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.) 2019 – Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen / hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 260 S.
- Göbl, Hochedlinger 2019 – *Göbl M., Hochedlinger M.* Die Österreichische Hofkanzlei // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 445–452 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Häberlein, Keese (Hrsg.) 2010 – Sprachgrenzen – Sprachkontakte – kulturelle Vermittler: Kommunikation zwischen Europäern und Außereuropäern (16.–20. Jahrhundert) / hrsg. von M. Häberlein, A. Keese. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 421 S.
- Hartmann 2019 – *Hartmann P.C.* Der Reichserzkanzler // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 280–282 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger 2019a – *Hochedlinger M.* Die Reichshofkanzlei // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 323–332 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger 2019b – *Hochedlinger M.* Die Staatskanzlei // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 453–460. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Kraelitz-Greifenhorst 1907 – *Kraelitz-Greifenhorst F., von.* Rathkeal: Peter Philipp Herbert // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1907. Bd. 53. S. 210–215.
- Offord, Argent, Rjéoutski 2015 – *Offord D., Argent G., Rjéoutski V.* French and Russian in Catherine's Russia // *French and Russian in imperial Russia* /

- ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. Vol. 1. Language use among the Russian elite. P. 25–45.
- Offord, Argent, Rjéoutski 2018 — *Offord D., Rjéoutski V., Argent G.* The French language in Russia: A social, political, cultural, and literary history. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 702 p.
- Rjéoutski, Frijhoff (eds.) 2018 — Language choice in Enlightenment Europe: Education, sociability, and governance / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 233 p.
- Rjeoutski, Offord, Argent 2019 — *Rjeoutski V., Offord O., Argent G.* French as a diplomatic and official language in Russian Empire // *Jus Gentium*. 2019. Vol. 4. №2. P. 419–493.
- Tipton 2015 — *Tipton J.* Code-switching in the correspondence of the Vorontsov family // *French and Russian in imperial Russia* / ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. Vol. 1: Language use among the Russian elite. P. 132–151.
- Winter (Hrsg.) 1965 — *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648)* / hrsg. von O. F. Winter. Graz; Köln: Verlag Hermann Böhlau Nachf., 1965. Bd. 3. 1764–1815. 612 S.
- Zedinger 2019 — *Zedinger R.* Die Wiener Behörden für die Verwaltung der Österreichischen Niederlande // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen S. 534–540. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).

References

- Bekasova, A., 2012. Ottsy, synov'ia i publika v Rossii vtoroi poloviny 18 veka [Fathers, sons and the public in Russia in the second half of the eighteenth century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 113, pp. 99–129. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/be20.html#_ftn1 (accessed: 25.11.2019).
- Beliauskii, M. T., 1995. *M. V. Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta* [M. V. Lomonosov and the foundation of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 312 p.
- Berelowitsch, W., 2011. Guvernery v sem'e Golitsynykh. 1760–1780 gg. [Tutors in the family of Golitsyn. 1760s – 1780s]. In.: *Frantsuzskii ezhegodnik 2011*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 190–199.
- Besch, W., Betten, A., Reichmann, O., Sonderregger, St., eds., 2003. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Tb. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 3001 p.

- Capra, C., 2019. Die Zentralbehörden für die italienischen Provinzen (1713–1796). In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 522–533 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Evans, R.J.W., 2004. Language and State Building: The Case of the Habsburg Monarchy. *Austrian History Yearbook*, 35, pp. 1–24.
- Glück, H., Häberlein M., Flurschütz da Cruz, A., eds, 2019. *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 260 p.
- Göbl, M., Hochedlinger, M., 2019. Die Österreichische Hofkanzlei. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 445–452 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Häberlein, M., Keese, A., eds, 2010. *Sprachgrenzen – Sprachkontakte – kulturelle Vermittler: Kommunikation zwischen Europäern und Außereuropäern (16.–20. Jahrhundert)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 421 p.
- Hartmann, P.C., 2019. Der Reichserzkanzler. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 280–282 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger, M., 2019a. Die Reichshofkanzlei. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 323–332 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger, M., 2019b. Die Staatskanzlei. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 453–460 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Khavanova, O. V., 2016. Avstriiskie posly i poslanniki pri russkom dvore v period okhlazhdeniia dvustoronnikh otnoshenii v 60-e – nachale 80-kh godov 18 v. [Austrian ambassadors and envoys at the Russian court during a cooling-off period in bilateral relations from the 1760s to the early 1780s]. In:

- Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste. K 60-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [History, language and culture of Central and South-West Europe in the national and regional context. On the sixtieth anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 58–76.
- Khavanova, O. V., 2017. “Ia poslal k nemu Aikhenfel'da...” Biografiia i kar'era sekretaria avstriiskogo posol'stva v Peterburge [“I send Aikhenfeld to him...” The biography and career of the secretary of the Austrian embassy in Petersburg]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 80–87.
- Khavanova, O. V., 2018. *Userdie, chestoliubie i kar'era: Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absoliutizma* [Diligence, ambition and career-making: administrative elites in the later eighteenth-century Habsburg Monarchy]. Moscow: Indrik, 360 p.
- Kraelitz-Greifenhorst, F., von, 1907. Rathkeal: Peter Philipp Herbert. In: *Allgemeine Deutsche Biographie*, 53. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, pp. 210–215.
- Liechtenhan, F.-D., 2000. *Rossia vkhodit v Evropu: Imperatritsa Elizaveta Petrovna i voina za Avstriiskoe nasledstvo. 1740–1750*. Russia enters Europe: Empress Elizabeth and the war of the Austrian succession. 1740–1750. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 407 p.
- Offord, D., Argent, G., Rjéoutski, V., 2015. French and Russian in Catherine's Russia. In: Offord, D., Ryazanova-Clarke, L., Rjéoutski, V., Argent, G., eds. *French and Russian in imperial Russia*, 1. Language use among the Russian elite. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 25–45.
- Offord, D., Argent, G., Rjéoutski, V., 2018. *The French language in Russia: A social, political, cultural, and literary history*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 702 p.
- Rjéoutski, V.S., 2017. Vybor iazyka: rossiiskaia diplomatiia v pervoi polovine XVIII veka i ispol'zovanie frantsuzskogo iazyka [Choice of language: Russian diplomacy in the first half of the eighteenth century and the use of the French language]. In: Arzakanian, M.Ts., ed. *Rossia i Evropa: istoricheskii opyt vzaimodeistviia i vzaimoponimaniia. 18–20 vv.: sbornik statei* [Russia and Europe: historical experience of interaction and mutual understanding in the 1700s–1900s: a collection of essays]. Moscow: Geoinfo, pp. 122–131.
- Rjéoutski, V., Frijhoff, W., eds, 2018. *Language choice in Enlightenment Europe: Education, sociability, and governance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 233 p.
- Rjeoutski V., Offord O., Argent G., 2019. French as a diplomatic and official language in Russian Empire. *Jus Gentium*, 4 (2), pp. 419–493.
- Tipton, J., 2015. Code-switching in the correspondence of the Vorontsov family. In: Offord, D., Ryazanova-Clarke, L., Rjéoutski, V., Argent, G., eds. *French*

- and Russian in imperial Russia*, 1. Language use among the Russian elite. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 132–151.
- Voronov, A. S., 1858. *Fedor Ivanovich Iankovich de-Mirievo, ili Narodnye uchilishcha v Rossii pri imperatritse Ekaterine II* [Fedor Ivanovich Jankovich de-Mirievo, or the Public schools in Russia in the reign of Catherine II]. Saint Petersburg: Tipografiia Pratsa, 168 p.
- Winter, O. F., ed., 1965. *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648)*, 3. 1764–1815. Graz; Köln: Verlag Hermann Böhlau Nachf., 612 p.
- Zedinger, R., 2019. Die Wiener Behörden für die Verwaltung der Österreichischen Niederlande. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau Verlag, pp. 534–540 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).

Maria A. Petrova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Language practices of Russian and Austrian diplomats in the second half of the eighteenth century

The introduction of French into the international sphere proceeded gradually throughout the eighteenth century and was largely due to the growing significance of French culture in the courts and educated milieu of Europe. By the middle of the century, French had not only become the most important language of external diplomatic communication, but had also gradually entered into the internal correspondence of foreign offices. Nevertheless, in the second half of the eighteenth century a large part of such correspondence continued to be conducted in the native language of the diplomats involved. This paper, based on archival sources, deals with the linguistic practices of Russian-speaking (Russophone) diplomats of the Russian Empire and diplomats from Austria, as well as the problem they faced in choosing between their native language or French when writing reports and letters. The language practices are considered in the context of the language policies of Catherine II, Maria Theresa, and Joseph II, who consistently implemented reforms in the Russian Empire and the Austrian monarchy in support of Russian and German respectively. Since there were many diplomats of foreign origin in the Russian College of Foreign Affairs, the French and Russian languages were considered equal. Their use in correspondence depended on the preferences of the chiefs, the personal experience of the diplomatic representatives (their French language skills, level of education in general, social and cultural background, and the characteristics of their particular place of residence), and in some cases on the subject of the correspondence. In the paperwork of the Austrian State Chancellery, the French language was used in official reports far less frequently than German, but rather often in semi-private correspondence with monarchs or high-ranking nobles in order to establish a confidential contact with them. A significant conclusion is drawn that the analysis of the language practices of Russian and Austrian diplomats requires a study of the language competency of the mission staff.

Keywords: international relations, diplomatic correspondence, language choice, professional terminology, the Russian College of Foreign Affairs, the Austrian State Chancellery